

2. Бахтин М.М. К философии поступка / Бахтин М.М. Работы 20-х годов. – К.: NEXТ, 1994. – С. 11 – 68.
 3. Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры: Два философских введения в двадцать первый век. / В. Библер. – М.: Политиздат, 1991. – 413 с.
 4. Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Проблема понимания в философии. / С. Гусев. – М.: Политиздат, 1985. – 192 с.

5. Елфимов Г.М. Возникновение нового. / Г. Елфимов. – М.: Мысль, 1983. – 190 с.
 6. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2-х т. / А. Леонтьев. – М.: Просвещение, 1983.
 7. Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. / В. Слободчиков, Е. Исаев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 384 с.
 8. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. / П. Тейяр де Шарден. – М.: Наука, 1987. – 239 с.

УДК 37.013.3

«ШКОЛА БЕЗ ИСКУССТВ – МЕРТВЫЙ ДОМ». О ПРИНЦИПАХ ВОСПИТАНИЯ ТВОРЧЕСКОГО НАЧАЛА УЧАЩИХСЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А.М. ТОПОРОВА

Татьяна КУЩЁВА, Игорь ТОПОРОВ (Николаев)

Автори статті висвітлюють основні віхи життєвого шляху просвітника, педагога та літератора А.М. Топорова (1891-1984). Особливу увагу приділено його педагогічній діяльності в школі алтайської комуні «Травневий ранок» в 20-30-х роках ХХ століття, яку часом порівнюють з яснополянською школою Л.М. Толстого. У статті подано приклади професійних і людських зв'язків А.М. Топорова та В.О. Сухомлинського. Проаналізовано окремі топорівські принципи виховання творчості учнів, доведено, що він не лише спирався на досягнення найвідоміших українських та російських педагогів, а й випередив деякі з їхніх методик.

Ключові слова: А.М. Топоров, В.О. Сухомлинський, К.Д. Ушинський, Л.М. Толстой, педагог-просвітитель, школа комуні «Травневий ранок», книга «Селяни про письменників», книга «Я - вчитель».

Автори статті останаєливаються на основних вехах біографії просвітителя, педагога і літератора А.М. Топорова (1891-1984). Особое внимание уделяется его педагогической деятельности в школе алтайской коммуны «Майское утро» в 20-30-е годы ХХ века, которую иногда сравнивают с яснополянской школой Л.Н. Толстого. В статье приводятся примеры профессиональных и человеческих связей А.М. Топорова и В.А. Сухомлинского. Проанализированы отдельные топоривские принципы воспитания творческого начала учащихся, доказано, что он не только опирался на достижения величайших украинских и российских педагогов, но и опередил некоторые из их методик.

Ключевые слова: А.М. Топоров, В.А. Сухомлинский, К.Д. Ушинский, Л.Н. Толстой, педагог-просветитель, школа коммуны «Майское утро», книга «Крестьяне о писателях», книга «Я - учитель».

До предела компютеризований ХХІ век поставил перед педагогами практичеки любой страны, включаю Україну, задачу возобновления у учащихтя тяги к чтению, а также обнаружил значительное падение их общего культурного уровня. Интернет и педагогические журналы в наши дни пестрят примерами вопиющей безграмотности даже, скажем, у студентов первого курса журналистского факультета Московского государственного университета. Так, например, Остапа Бендера в диктанте, проведенном с целью определения уровня их общей орфографической компетентности, они превратили в Астапа Блендера, а также выдали перлы вроде следующих: поциэнт (пациент), рыца (рыться), удастса (удастся), врочи (врачи), нез наю (не знаю), генирал, через-чюр и т.д. [10] В этой связи представляется особенно интересным опыт ведущих педагогов минувшего столетия, сталкивавшихся с подобными проблемами на заре советской власти.

Одним из таковых был А.М. Топоров (1891-1984) – выходец из беднейшей крестьянской семьи на Белгородчине (Россия). Его педагогическая работа началась в 1908 г. в Курской губернии, затем он учительствовал на

Алтае, где стал организатором знаменитой коммуны «Майское утро». В течение 20 лет А.М. Топоров учил детей и обучал грамоте взрослых коммунаров, создал библиотеку, музей, 2 театра, хор и струнный оркестр. С трудом верится, но в деревенской школе, в первые тяжелейшие годы после Гражданской войны, было 50 циммермановских скрипок!

Кроме этого, А.М. Топоров организовал читки художественной литературы. «Белинские в лаптях» прослушали в блестящем актерском исполнении учителя сотни книг классиков и советских писателей, высказали о них оригинальные и глубокие замечания. Накопленный материал вылился в легендарную книгу А.М. Топорова «Крестьяне о писателях». Ей нет аналога в мире. Она сделала имя автора известным не только в СССР, но и за его пределами (США, Австралия, Польша, Швейцария и пр.), была высоко оценена А.М. Горьким, В.В. Вересаевым, К.И. Чуковским, А.В. Луначарским, Н.А. Рубакиным, А.Т. Твардовским, М.В. Исаковским и др.

Как публицист, А.М. Топоров упомянут в энциклопедиях, признавался одним из лучших

селькоров СССР. [5, с.353] Его статьи печатались в более чем 100 изданиях страны и за рубежом. [19, ч. 2, гл. 11] Он известен как библиовед, эсперантист, языковед, музыковед и пр.; во всех этих отраслях культуры и знаний имел научные труды, публикации. Его личные фонды имеются в госархивах и музеях Киева, Москвы, Санкт-Петербурга, Николаева, Омска, Белгорода, Старого Оскола, Пермского и Алтайского краёв. Ему посвятил фильм «Майское утро» кинодокументалист Р.П. Сергиенко, ученик А.П. Довженко (ЦСДФ, г. Москва, 1988). О нем написаны биографические и художественные книги. За определенную схожесть судеб, ГУЛАГовское прошлое, нестигаемое мужество и литературный дар его называли «николаевским Солженицыным». [22, с. 86-93], [23, с. 34-36].

Последние 35 лет жизни А.М. Топорова связаны с украинским Николаевом, куда он попал, имея статус «врага народа», без права заниматься педагогической, литературной и общественной деятельностью. Тем не менее, А.М. Топоров активно вникает в культурную жизнь города, становится членом общественных советов областной библиотеки и краеведческого музея, общественным корреспондентом ряда газет, занимается краеведением, пишет книги и учебники. Он дружит или переписывается с А.Т. Твардовским, М.В. Исаковским, С.П. Залыгиным, Б.Л. Горбатовым, Е.Н. Пермитиным и другими знаменитыми людьми.

Второй виток славы педагога относится к 1961 году, когда в космос полетел Г.С. Титов, родители которого были любимыми учениками А.М. Топорова в коммуне «Майское утро». Сам космонавт-2 называл его своим «духовным дедом». А Топоров становится желанным гостем в институтах и школах, издаются его книги: «Воспоминания» (1970), «Я – учитель» (1980), «Мозаика» (1985). Не случайно в 2000-м году жители Николаева назвали имя А.М. Топорова среди имен 10-ти величайших горожан XX века, наряду с общественным деятелем Н.Н. Аркасом, адмиралом С.О. Макаровым, художником А.Д. Антонюком, поэтом М.С. Лисянским и др. [23, с.5-6]

Но главное в Топорове, что он был Учителем с большой буквы. Позже он напишет: «Человек, не любящий свою профессию, всякому делу обуза. Плох он и на заводе, и в поле, и в научной лаборатории, но хуже нет, коли окажется в школе. Педагог, не любящий детей, - нелепость». [20, с. 129]. В основе его собственной педагогической системы лежало мудрое высказывание Л.Н. Толстого из «Круга чтения»: «Чтобы поверить в добро, надо начать делать его». [14, с.338]

А.М. Топоров почти сто лет тому назад блестяще воплотил на практике отечественную

культурно-педагогическую традицию с ее приоритетом воспитания перед обучением. Его философско-педагогические воззрения при этом значительно отличались от официальной доктрины формирования личности. Тем самым, он во многом предвосхитил образ «идеальной школы», нарисованный В.А. Сухомлинским в виде «Школы радости».

Государство, его идеологические органы и официальная наука относились к таким педагогам настороженно. Того же В.А. Сухомлинского не раз обвиняли в «абстрактном гуманизме», в том, что он «ввел туманное понятие, именуемое человечностью». [6, с. 125]. Точно так же и А.М. Топоров пережил времена жестокой критики, его мучили проверками и придирками, снимали с работы. В одной из докладных записок в 20-х годах минувшего века так говорилось о его педагогических методах: «Чтением, тоскливыми скрипичными мелодиями Чайковского и Римского-Корсакова учитель Топоров расслабляет революционную волю трудящихся...» [3, с. 65].

В ответ на злобные выпады Топоров продолжал много и упорно работать, исследовал и применял связи образования с нравственным воспитанием и общечеловеческими ценностями. Использовал такие педагогические средства, как познание личности ребенка, слово, общение детей с природой, друг с другом. Он так формулировал своё учительское кредо: «Неравнодушие – нерв педагогики. Щедрость – первая черта учителя. Он без оглядки отдаёт ученикам свои способности, умение, все свое время, всю свою душу. Конечно, чего-то он и сам не знает, а всего и не может узнать. Образование учителя тоже не безгранично. Но самоотдача его не имеет границ. Так, во всяком случае, должно быть...» [20, с. 129].

А краеугольным камнем собственной педагогической концепции А.М. Топоров считал воспитание творческого начала учащихся и приучение их к чтению, реализовывая эти принципы в школе коммуны «Майское утро».

В 1920 году двадцать мужиков, прихватив с собой баб и детей, ушли из села Верх-Жилино на пустырь, чтобы начать новую жизнь. Э.Н. Горюхина, «Золотое перо России – 2008», писала, что это был «величайший социальный эксперимент, в основе которого лежала культурная составляющая выдающегося педагога Адриана Митрофановича Топорова. Подумать только, в 20-х годах на Алтае строились коровники по типу датских скотных дворов. Выписывались из-за границы экономические журналы» [2].

Действительно, коммуна «Майское утро» отличалась от других общинных организаций своего времени тем, что в ней культурно-

просветительская работа стояла на первом месте. Благодаря самоотверженной деятельности молодого учителя, она вошла в практику жизни крестьян и их детей, стала потребностью и зажгла в их сердцах священный огонь творчества. В красоте и культурных ценностях сам Топоров видел фундамент для развития в человеке, и особенно в ребенке, нравственных, гуманных качеств. Понимали это и коммунары «Майского утра». «Без культуры коммуне не жить, – говорили они Адриану Митрофановичу. – Нам нужна школа, нужны наука, театр, хор, оркестр, курсы, лекции. Учи и весели нас!».

«Да, – писал А.М. Топоров, – так они и говорили: „весели нас“. И это весели понимали не как пустое развлекательное времяпрепровождение, а как способ бытия, как средство укрепления трудового энтузиазма, как мощное оружие борьбы за новую, настоящую жизнь» [20, с.128].

Школа получила в тяжелые послевоенные годы всё возможное: тепло, свет, книги, бумагу, карандаши, чернила, даже архидефицитные краски для рисования. Коммуна приобрела библиотеку, выписывала периодические издания для детей, оплачивала дальние экскурсии школьников, а Топорову построила большой и светлый дом.

Педагогическая деятельность А.М. Топорова в коммуне - это подвижническая работа энтузиаста народного образования, талантливого учителя-новатора. За три-четыре года его учащиеся не только усваивали учебный материал, но и свободно излагали мысли устно и письменно. Время его работы в школе не определялось расписанием. За небольшую зарплату он вел занятия сразу с шестью классами по всем предметам в две смены. Плюс внеклассная работа. Были и свои преимущества: начинать и заканчивать занятия учитель мог, когда ему и детям удобно. Строгого расписания, звонков на перемены не было. Просто, почувствовав усталость ребят, Топоров говорил: «Идите погуляйте!» Потом бил в шибало (кусок рельса, висевший у школы) и продолжал занятия. Бывало, по какой-то причине срывались они. Скажем, учителя вызвали в район. Возвращался он под вечер и видел, что время ещё не вышло. Снова бил в шибало, и сбегались все ученики, жившие неподалёку. И не один час в школе зря не пропадал, ребята правильно и вовремя питались, спали, гуляли, играли, готовили уроки.

Обучая коммунарских детей, А.М. Топоров много раздумывал над тем, что «занятия в большинстве школ состоят из чтения, письма, бесед. Редко спектакли, еще реже пение (пение, а не рёв, каким богаты многие школы), совсем редко - музыка. Искусства в школах поставлены

халтурно. Процесс обучения, обычно, страшно скучен» [17, с. 70].

Он где-то вычитал, что наименьшее количество уголовных преступлений совершают люди из мира культуры, и сделал свой вывод: «Школа без искусств – мертвый дом... Конечно, не все дети одарены в равной мере, но никто не поколеблет моей уверенности в том, что все они способны воспринимать творения искусства, а в благоприятных условиях и участвовать в художественном творчестве. Убежден, что это воспитывает их не только эстетически, но и этически...»

Мои ученики рисовали, лепили, вышивали, строили модели, делали аппликации, устраивали конкурсы на лучшего чтеца, писали рассказы и стихи, пели по нотам, играли на музыкальных инструментах...

Вели они и большую краеведческую работу. Год за годом отправлялись в походы по району, собирали экспонаты, отражавшие природу, историю, культуру, быт сибирской деревни. Записывали сотни образцов словесного и музыкального фольклора...

Рисование, живопись, лепка стали одно время повальным увлечением. В 1929 году попал в наши края скульптор С.Р. Надольский, автор знаменитого памятника «Героям 1812 года», украсившего Кутузовский сквер в Смоленске. Мы познакомились, сдружились, я пригласил его к себе, и он несколько месяцев гостил в коммуне, учил детей скульптурному мастерству. Сознаюсь, я и сам охотно лепил в классе вместе с учениками. Это подзадоривало их. Глиняные скульптурки обжигали для прочности в русских печах. Долго они украшали и школьные классы, и дома коммунаров.

Грешный человек, я не особо жаловал частушки «про миленка», старался воспитывать вкусы на поэтичных народных песнях, на произведениях музыкальной классики, отечественной и зарубежной. Вы, пожалуй, усомнитесь: „Как? Классика в сибирской глухой деревне полвека назад! “ Но это было, это доподлинно так... Программа детского хора и большого хора коммуны была, как вижу теперь, довольно обширная. Исполняли народные песни: „Липа вековая“, „Из-за леса темного“, „Не белы-то снега“, „Вдоль по Питерской“, „Ноченька“... Оркестр начинал с кадрили, полек, казачка, гопака, не миновал „Камаринской“, „Барыни“, „Яблочка“, добрался до мелодичных старинных вальсов, до мазурки Венявского. Но постепенно я вводил в репертуар наших певцов и музыкантов романсы и арии Глинки, Чайковского, Бородина, Даргомыжского, Римского-Корсакова, Танеева, Мусоргского, Бетховена, Моцарта, Шумана, Массне, Гуно,

Мендельсона, Беллини, Брамса... – всего мне и не вспомнить.

В „Майском утре“ на протяжении многих лет действовали два театра – взрослый и детский. Новые постановки давались каждый выходной, гастролировали мы и по клубам района. Конечно, далеки были от совершенства наши актеры, художники, костюмеры, и режиссер я был в полном смысле слова доморощенный. Но зрители всегда заполняли залы, и я видел сочувствие их, когда страдали герои на сцене, слышал взрывы хохота, когда плуты, ханжи, развратники, тунеядцы, самодуры попадали в нелепые положения и получали по заслугам. На каждом спектакле я убеждался, что наш немудрящий театр учит, воспитывает, возвышает души крестьян. И тех, кто в зале, и тех, кто на сцене. С детьми мы ставили сказки, небольшие отрывки, инсценировали рассказы. Такие, скажем, как „Бежин луг“ Тургенева, „Мальчишки“ Чехова, „Гаврош“ Гюго» [20, с. 142-143].

Надо ли говорить, с каким восторгом воспринимались все топоровские культурные нововведения его учениками. Один из них, С.П. Титов, будущий народный учитель и литератор, писал об этом: «Лишь позднее мне стало ясно, что сам учитель, работая над нами, хотел и для себя эстетического удовлетворения. Понимая нас и понуждая к искусству, иногда сердился, ругал, неистовствовал, сетовал, словно мы были виноваты, что не могли так быстро расти, слишком долго оставались детьми, не в силах были пока составить ему духовную среду». [18, с. 45].

Топоров был новатором по натуре. Ему претило всё схоластическое, мёртвое, оторванное от жизни. Он многое ненавидел в старой, царской школе, которая насаждала зубрежку, догматическое усвоение суммы разрозненных и нередко совершенно бесполезных знаний. Но и ультраревOLUTIONные методы обучения, слепое, некритическое поклонение перед зарубежным опытом, характерное для послереволюционного времени, ему также претили. И он восставал против загибщиков от педагогики.

Особенно проявилась у Топорова склонность к педагогическим новациям в вопросе написания его учениками сочинений. Он признавался не раз, что устал читать шаблонные, суконные, безликие творения своих питомцев. И метался в поисках способов раскрепощения их языка: «Полезнейшее наставление нашел я у К.Д. Ушинского: „Основание разумной речи заключается в верном логическом мышлении, а верное логическое мышление возникает из верных и точных наблюдений“.

Углубившись в историю искусства, узнал, что все мировые классики литературы, живописи, зодчества, музыки зорко наблюдали

природу, жизнь прошлого и современного мира. И как ни поразительна была фантазия гениев, они отталкивались от явлений и фактов действительности. Казалось, я нашел ключ: будь верен натуре, учись видеть, наблюдать. Это и положил в основу обучения школьников писанию сочинений...

Всем классом мы шли, например, в лес, останавливались, и я предлагал: „Посмотрите вокруг внимательно, запомните всякую малость, какую увидит глаз, услышит ухо, почувствует кожа, нос, а потом дома напишите рассказ „В лесу зимой““. Дети замолкали, сосредоточенно наблюдали. Некоторые записывали свои наблюдения в тетрадки. На месте мы тренировались в построении фраз. Сообща сравнивали и „отделяли“ . Одну и ту же мысль выражали по-разному:

- В глубоком снегу видны следы заячьих ног.

- На белом пушистом снегу написано много заячьих следов.

- Строчки заячьих следов лежат на снегу.

Большинство голосов решали, чья фраза лучше. Потом я спрашивал: „Кто еще заметил что-нибудь особенное?“ Ребята говорили о большом вороньем гнезде из сучьев, прилепившемся вон на той сосне и наполненном снегом; о дороге на мельницу, вдавившейся в снег, как в перину; о том, что из деревни доносится крик петуха... И так далее, да с каждым днем больше...

Наблюдения захватили многих ребят. Натуру мы искали не только в поле и в лесу, брали бытовые темы: „Свадьба“, „Спектакль в Глушинке“, „Смычка“. Наблюдали и за людьми... Намечали самого колоритного человека из коммунаров, совместно находили его характерные черты, ловили любимые словечки, отрабатывали каждую фразу портрета. Удачное описание «натурщика» изумляло ребят: „Как живой!“ А я подчеркивал, что всякое художественное произведение радует, если оно правдиво.

Среди детских сочинений были рассказы, сказки, дневники, письма, портреты, инсценировки, стихи. У одних авторов преобладали описания, у других – диалоги, третьи пользовались и тем и другим. Одни нагромождали художественные детали, другие ограничивались двумя-тремя меткими штрихами, третьи копировали природу. Тут им предоставлялась полная свобода... Вырастут дети физически, вырастет и их мысль. Они навострят видеть типичное в жизни, систематизировать наблюдения, усиливать их светом больших идей. Наконец, к достоинствам писания сочинений с природы нужно отнести и то, что они увлекают учащихся...

О своем опыте развития мышления и речи учащихся я написал... пространную статью. Приложил к ней более 400 детских сочинений, но увидели свет, разумеется, лишь единицы из них... Год спустя в Москве вышел сборник „Свободные сочинения и детское творчество“. В него включили фрагменты из моей работы...» [20, с. 135-138].

Приобщение коммунарских детей к искусствам, новая методика развития их речи - всё это привело педагога к мыслям об индивидуализации воспитания школьников. В одной из статей он писал: «Натуралисты говорят, что в природе нет двух экземпляров, абсолютно похожих друг на друга. Это верно и в отношении людей. Отсюда понятно и требование педагогики - сделать воспитание человека индивидуальным. Истинное воспитание таким только и может быть, так как в каждом человеке важно уследить и развить не только то, чем он похож на других людей, а и то, чем от них отличается, чтобы его исключительное дарование не пропало даром для общества» [17, с. 72].

Постепенно он стал, по выражению того же С.П. Титова, «следопытом детских душ», которому «хотелось узнать: к кому природа оказалась благосклонна, кому забросила в душу излишек своих даров, какими делами зажечь ученика, чтоб затеплился в его сердце огонек интереса?». [18, с.41]

А.М. Топоров обогнал свое время, соединив обучение детей с каждодневным трудовым воспитанием. Ультрареволюционная педагогика объявляла ручной труд буржуазной принадлежностью, а он утверждал: «Считаю: крупной труд - крупное достижение педагогической мысли. Всеми мерами необходимо насаждать его в советской школе» [20, с. 73]. И добавлял: «Народная педагогика в основе своей справедлива, мудра. Не зря сказано, что праздность – мать всех пороков. Только в труде дети получают здоровое нравственное воспитание, растут порядочными, скромными, послушными, сильными, честными, чистыми...» [20, с. 141].

В школе «Майского утра» труд был основой учебы и воспитания. Ребятам выделили особое многоотраслевое сельское хозяйство с подсобными мастерскими. В крестьянстве дети всегда росли в труде, теперь же он приобрел новый характер. По-прежнему не был игрой, не был баловством, а был жизненной необходимостью для семьи и для общества. Это приучало школьников к порядку, дисциплине, аккуратности. Вместе с тем работа лишилась батрацких черт, она не изматывала детей, стала творческой и увлекательной. Когда, к примеру, ученики садились на трактор, то это вызывало зависть сверстников и уважение взрослых. И для

Топорова, и для взрослых коммунаров показалось бы чрезвычайным происшествием нарушение школьниками учебной или трудовой дисциплины. За 12 лет его работы в коммуне не было ни одного случая серьезного нарушения этой дисциплины его воспитанниками. А как гласит чешская народная пословица: «школа без дисциплины - все равно, что мельница без воды».

Годы спустя эти мысли разовьет В.А. Сухомлинский: «Только труд во всей его многогранности, направленный на познание, освоение мира, на самовыражение, самоутверждение личности в творчестве, только насыщение свободного времени трудом, обогащающим духовную жизнь, может дать человеку счастье» [12, с. 475].

Эти два человека не были лично знакомы, однако А.М. Топоров в свое время подготовил и опубликовал большую и доброжелательную статью о коллеге «Великий педагог из Павлыша» [13]. Много говорил о нем в семейном и дружеском кругу. Имеется указание и на то, что В.А. Сухомлинский, в свою очередь, был неплохо осведомлен о многосторонней деятельности Топорова, о его книге «Крестьяне о писателях». Сохранились несколько его писем николаевскому ученому Е.Г. Мирошниченко. В одном из них читаем: «Я хорошо помню эту книгу еще по довоенному изданию. Всё, о чём он рассказал в своей книге и что делал в своем селе, всегда казалось мне изумительным, необычным... Настоящая сельская школа всегда была очагом мысли, культуры. Подлинный педагог является искрой, зажигающей в человеческих сердцах любовь к прекрасному» [9, с. 135].

Топоров и был таким «подлинным педагогом». И вполне возможно, что корни революционных идей В.А. Сухомлинского и его единомышленников уходят частично в 20-е годы, в школу алтайской коммуны «Майское утро».

Подытожить педагогическую деятельность А.М. Топорова в наиболее продуктивный период его жизни можно упоминанием о том, что исследователи иногда сравнивают скромную школу коммуны «Майское утро» с Яснополянской школой Л.Н. Толстого [11].

Несомненно, его вклад в педагогическую науку мог быть куда большим, если бы Топоров не был приклеен в свое время ярлык контрреволюционера. Его педагогическая деятельность была прервана в возрасте 46 лет. В 1937 году Топоров был осужден по несправедливому обвинению, отбывал наказание в ГУЛАГе. После реабилитации в школу не вернулся, ограничившись публицистической деятельностью. Так и не нашли своего издателя его оригинальные учебники по изучению

русского языка, международного языка эсперанто, технике игры на скрипке и пр.

Нельзя сказать, что учитель А.М. Топоров всё и всегда делал образцово. Конечно же, он был сыном своего времени, случалось и сплеча рубил, был излишне самонадеян, скор на выводы. Так, однажды он написал полемическую статью, в которой доказывал, что пора бы заменить школьные учебники школьной газетой [16, с. 98-102]. Но в главном всё же оставался убежденным просветителем, народным учителем. По словам российского литератора и общественного деятеля Н.С. Игрунова, «Топоров знал, что делал: он звал народ вверх! И в этом всем нам наука» [4]. Приведем и слова публициста В.В. Глотова: «Мы можем с уверенностью сказать: в лице А.М. Топорова мы имели по существу первого советского просветителя, причем такого масштаба, превзойти который не удалось никому... Идея приобщения народа к мировой культуре была воплощена Топоровым на небольшом пространстве, но столь блистательно и глубоко, что до сих пор поражаешься тому, чего может достигнуть один человек!» [21, с. 3].

Творческое наследие А.М. Топорова привлекало и привлекает внимание общественности. Разработанная им система обогатила педагогическую науку новаторскими идеями, внесла вклад в теорию и практику образования и воспитания, вызвала позитивный отклик у современников и педагогов последующего поколения: В.А. Сухомлинского, николаевских ученых Т.К. Пересунько, Е.Г. Мирошниченко, сибирячек О.М. Потапчук, И.И. Плехановой, руководителя «Международного центра гуманной педагогики» Ш.А. Амонашвили, его ближайших сподвижников из СНГ и многих других.

В Белгороде и Николаеве открыты мемориальные доски, проводятся Топоровские чтения, где в числе прочего обсуждаются его педагогическая система и опыт школьной работы. Администрация Алтайского края и Алтайская государственная академия образования имени В.М. Шукшина в 2010 году учредили Всероссийские чтения «Педагогическое наследие Степана Павловича Титова». Здесь отдается дань памяти воспитателю этого педагога А.М. Топорову. В селе Верх-Жилино Алтайского края, где он трудился, создан и активно работает школьный педагогический музей. На его базе проводятся Топоровские читки с участием представителей педагогической и культурной общественности Алтая. В школе также открыта памятная доска в его честь, бывают многочисленные гости и делегации.

Хотелось бы, чтобы и в нашей стране чаще вспоминали этого учителя-новатора, хотя,

разумеется, практику его педагогической работы невозможно полностью перенести на современную почву. В письме к Топорову писатель и журналист А.А. Аграновский высказался так: «Думаю, что широкого распространения Ваш опыт не мог и не может получить. Он действительно неповторим и уникален... Сколько ни сетуй по этому поводу, сколько ни издавай приказов, сколько ни призывай распространять, тут надобен прежде всего талант... Если же формально взяты распространять Ваш опыт (или опыт Макаренко, Сухомлинского), то ничего хорошего из этого получиться не может... Без дарования, без отблеска таланта, без истинного горения выйдет еще одно мероприятие, и только» [24, с. 309-310].

Отсюда и вывод: современному педагогу нужно просто попытаться жить, как эти великие учителя, принять меру их труда, работать в 3 смены, не требуя за это наград, отказаться от стереотипов, соблазнов, искать новое, своей нравственностью соответствовать их нравственности, а главное - очень, очень любить детей. Лишь тогда можно повторить их опыт, лишь тогда заработает их методика. То есть, должно происходить воспроизводство духовной традиции. Подобное должно воспитываться подобным, а не самой по себе методикой, хотя бы и самой передовой в мире.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Глов В.В. Учитель для сына. Размышления журналиста / В.В. Глов. – М.: Педагогика, 1985.
2. Горюхина Э.Н. Рассвет, который потушили / Э.Н. Горюхина // Новая газета, 17.07.2008.
3. Гусельников В.В. Счастье Адриана Топорова / В.В. Гусельников. – Барнаул: Алтайское книжное издательство, 1965.
4. Игрунов Н.С. Неформатный Адриан Топоров или о грозящей опасности духовной нищеты / Н.С. Игрунов // Белгородская правда, 21.10.2008.
5. История СССР с древнейших времён до наших дней. – Т. 7. – М.: Наука, 1967.
6. Корнетов Г.Б. Всемирная история педагогики / Г.Б. Корнетов. – М.: Просвещение, 1994.
7. Кульневич С.В. Истоки гуманистической альтернативы / С.В. Кульневич, Е.В. Бондаревская // Педагогика. – 2000. – № 7. – С.69-82.
8. Кущёва Т.О. Многогранность А.М. Топорова - педагога, просветителя, писателя. [Электронный ресурс.] Режим доступа: http://site.tfrane.ru/index.php?option=com_k2&view=item&id=645 Дата обращения: 28.06.2013.
9. Мирошниченко Е.Г. «Крестьяне о писателях» (Слово и книга Адриана Топорова) // Мирошниченко Е.Г. Я зачем-то съездил в Николаев. – Николаев: Аванта, 2001.
10. Николаева А. Астап Блендер как софетский поциэнт // Частный корреспондент, 27.10.2009. http://www.chaskor.ru/article/astap_blender_kak_sofetskij_potsient_11754 Дата обращения: 30.06.2013.

11. Нуйкин А.А. Страсти по Макаренку. [Электронный ресурс.] Режим доступа: <http://www.jig.ru/golden/016.html> Дата обращения: 30.06.2013.

12. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям / В.А. Сухомлинский. – Киев: Радянська школа, 1985.

13. Сухомлинский В.А. Проблемы воспитания всесторонне развитой личности // История педагогики в России / В.А. Сухомлинский. – М.: Просвещение, 1999.

14. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений в 90 томах, академическое юбилейное издание, том 41 / Л.Н. Толстой. – М.: Государственное Издательство Художественной Литературы, 1957.

15. Топоров А.М. Великий педагог из Павлыша / А.М. Топоров // В мире книг. – 1973. – № 3.

16. Топоров А. Вместо учебника – школьная газета / А. Топоров // Просвещение в Сибири. – 1930. – № 1.

17. Топоров А. Дисциплина в массовой школе / А. Топоров // Просвещение в Сибири. – 1926. – № 9.

18. Топоров А.М. Крестьяне о писателях / А.М. Топоров. – М.: Советская Россия, 1967.

19. Топоров А.М. Я – из Стойла. Рукопись. – Личный архив Топорова И.

20. Топоров А.М. Я – учитель (воспоминания) / А.М. Топоров. – М.: Детская литература, 1980.

21. Топоров А.М. Мозаика / А.М. Топоров. – Киев: Днипро, 1985.

22. Топоров Г.А. Николаевский Солженицын, или о чем рассказал архив / Г.А. Топоров. – Белгород: Константа, 2011.

23. Топоров И.Г. Адриан Топоров. Воспоминания о деде / И.Г. Топоров. – Николаев: Издательство Ирины Гудым, 2010.

24. Уроки Аграновского. – М.: Известия, 1986.

Шеваров Д.Г. Стоявший прямо перед лицом страха / Д.Г. Шеваров // Первое сентября, 11.09.2008.

УДК 378.1

ВОСПИТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА-ТВОРЦА В КОНТЕКСТЕ ИДЕЙ В.А. СУХОМЛИНСКОГО

Николай ЛУКОМЕЦ (с. Деревка, Кировоградская обл.)

У статті автор підкреслює значущість ідей В.О. Сухомлинського у вихованні сучасної Людини-творця, ділиться спогадами про зустрічі з педагогом, про його особистісні якості, досвіді навчання шестиліток за методикою Павльишської середньої школи; радить перечитати праці директора школи, вченого, мислителя, таланту, жага творчості і воля якого дозволяють і сьогодні залишатися ключовою фігурою на педагогічному Олімпі.

Ключові слова: В.О. Сухомлинський, особистість, Людина-творець, виховання, Павльишська середня школа.

В статті автор підкреслює значущість ідей В.А. Сухомлинського в вихованні сучасного Человека-творця, ділиться спогадами про зустрічі з педагогом, про його особистісні якості, досвіді навчання шестиліток за методикою Павльишської середньої школи; радить перечитати праці директора школи, вченого, мислителя, таланту, жага творчості і воля якого дозволяють і сьогодні залишатися ключовою фігурою на педагогічному Олімпі.

Ключевые слова: В.А. Сухомлинский, личность, Человек-творец, воспитание, Павльишская средняя школа.

Способны ли мы сегодня понять, что совершил этот физически тщедушный человек, у которого война отобрала здоровье, но не в силах была отобрать таланта, воли и жажды творчества? У него было то, чего не имели другие: неиссякаемый источник любви к человеку, к своим воспитанникам, жажда засеять в их души высокие человеческие качества. И его искреннее признание «сердце отдаю детям» было не ради красного слова, а сущностью его как человека и творца, созидательной сущностью. Как никто другой, он сумел просто и ясно изложить мысли и идеи в области дидактики, воспитания и школьного строительства, которые опережали время, и которыми он был переполнен до края. Например, В.А. Сухомлинский одним из первых в отечественной педагогике *гуманное отношение к ребенку* рассматривал как «понимание учителем той простой и мудрой истины, что без внутренних духовных усилий ребенка, без его желания быть хорошим немислима школа, немислимо воспитание. Настоящий мастер воспитания и понукает, и заставляет, и принуждает, но делает это так, что в детском

сердце никогда не угасает этот драгоценный огонек – желание быть хорошим. Подлинная гуманность педагога означает мастерство, искусство, умение пробудить у ребенка мысль о том, что он еще не стал таким, каким может и должен стать» [1, с. 92].

Он один сделал то, чего не смогла осуществить Академия педагогических наук: обобщить и приумножить достижения советской школы до и послевоенного периода, которые на то время были одними из передовых в мире: «Школа будущего должна как можно полнее использовать для гармонического развития человека все, что дает природа и что может сделать человек, для того, чтобы природа служила ему» [2, с. 109]. «Главная задача школы – дать ученикам глубокие, прочные знания основ наук, научить ориентироваться в важнейших отраслях современного производства; сочетать теоретические знания с практическими умениями в таком направлении, чтобы в полной мере раскрывались индивидуальные задатки, способности и наклонности» [2, с. 24].